

6. Соловьев С. Очерк нравов, обычаев и религии Славян, преимущественно восточных, во времена языческие//Архив историко-юридических сведений Н.Калачова. Кн. 1.

А.А. Сафонов*

ОСМАНСКАЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ СИСТЕМА НА БАЛКАНАХ (XV-XVIII ВЕКА)

Аннотация: Статья посвящена проблеме функционирования административно-правовой системы, созданной османами для контроля над своими балканскими владениями. Рассматриваются вопросы управления локальными конфликтами в мультиэтнической и мультиконфессиональной среде. Анализируются синтез светской и исламской традиции в османском законодательстве, а также влияние права на историческое развитие балканских народов.

Ключевые слова: Османская империя, исламское право, локальные конфликты, Балканы, местное управление, религиозная дискриминация.

Османские правители, утвердившие свое господство на Балканах во второй половине XIV — первой половине XV века, столкнулись с серьезным историческим вызовом. Этническая и религиозная разнородность балканских народов порождала непрерывные конфликты и противоречия. Центральная власть в целях обеспечения спокойствия и фискальной дисциплины была вынуждена, с одной стороны, отказаться от излишней централизации, передав полномочия на местный уровень, с другой — выстроить систему контроля над местными администраторами в целях предотвращения сепаратизма. Эти задачи заставили османское государство сформулировать и реализовать на практике принципы новой для того времени административно-правовой системы, сочетающей единство правового поля с многообразием административных форм.

К середине XV столетия наступила известная стабилизация внутреннего положения: был наведен элементарный военно-полицейский порядок и создано единое правовое поле на основе шариата. Мы не будем останавливаться на административно-правом развитии всей империи² и обратим внимание на балканские земли.

* Сафонов Александр Андреевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института славяноведения РАН, xafonov@gmail.com

² Подробнее см.: Gerber H. State, Society, and Law in Islam: Ottoman Law in Comparative Perspective. SUNY Press, 1994; Heyd U. Kānūn and Sharī'a in Old Ottoman Criminal Justice. Jerusalem, 1967.

Большинство завоеванных балканских территорий были включены в состав эялета (бейлербейства) Румелия, управлявшегося из Эдирне и Софии соответствующим бейлербеем. Важную роль в управлении эялетом играл совет при бейлербее — диван, среди прочего принимавший жалобы от местного населения. В административном отношении земли были поделены на санджаки (тж. ливы, «провинции»), вилайеты («субпровинции»), нахии («административные единицы») и казы (тж. кадилыки, «судебные округа»).

В значительной мере новое административное деление отражало границы аннексированных османами государственных образований. Так, Кюстендильский санджак — букв. «Константинова земля» — соответствовал былым владениям Константина Деяновича Драгаша; Вилайет Деспина — вероятно, землям Мары Бранкович, вдовы султана Мурада II; Вилайет Мариово — землям знатного сербского владельца Фомы Прелюбовича. В то же время административные единицы игнорировали этническое и экономическое своеобразие отдельных территорий. Так, в состав Охридского санджака в XV в. входили Круя, другие албанские земли и Черногория. Паша-санджак, наиболее крупная административная единица, на начало XVI в. объединяла часть Родопского края, долину Вардара без левых притоков, долину Месты, низовья Струмы и значительную часть области Фракия.

Главой исполнительной власти санджака был санджакбей (позднее — вали, «губернатор»), опиравшийся на военно-административный аппарат. В круг основных полномочий санджакбеев входило осуществление военно-полицейского контроля, жалование доходов с земельных владений или производств, координация действий администрации. Временный управляющий санджака носил титул мютеселлим и руководил санджаком во время отсутствия санджакбея, часто принимавшего участие в военных походах. Вилайетами и нахиями управляли помощники санджакбея — субаши, которые, в свою очередь, также имели помощников — сераскеров и черибашаи.

Помимо регулярно созываемого спахийского ополчения и присылаемых из центра янычар, в провинциях располагались местные войска, которые были представлены гарнизонами крепостей (серхад кулю), силами правопорядка (мартолосы/арматолы) и дорожной стражей (дервенджи). В числе прочих действовали так называемые «тайные мартолосы», которые доносили и наводили силы правопорядка на преступников, устраивали провокации. Доносы вознаграждались: имущество разбойников конфисковалось

как военный трофей и могло раздаваться лицам, схватившим преступников.

Важнейшей задачей управления была координация действий различных органов власти. Когда во второй половине XVI в. крупный отряд разбойников из села Дивяци совершал нападения за границами своего санджака, потребовалось вмешательство центральной власти, объединившей для их поимки силы двух санджаков¹. Поэтому в особо опасных районах были образованы арматолюки — «зоны ответственности» арматолов.

Власть над податным населением осуществляли аяны (старейшины сельских общин) и кетхуды (старейшины городских кварталов), уважаемые и зажиточные люди. У немусульман административные полномочия выполняли выборные старейшины (коджабаши и чорбаджи), а также представители духовенства. Непосредственное поддержание порядка в селах также осуществляли держатели крупных земельных наделов.

Административными привилегиями пользовались две категории лиц: иностранцы в соответствии с заключенными международными договорами, а также прямые потомки пророка Мухаммеда (сейиды и шерифы), управляемые каймакамами.

Религиозная власть над мусульманами осуществлялась муфтиями и мудариссами (главами медресе), подчинявшимися шейхуль-исламу и казиаскеру Румелии.

Опасаясь местного сепаратизма, османские власти сознательно разделяли и противопоставляли военно-административные и религиозно-судебные органы. Судопроизводство осуществлялось кадием — судьей шариата. Зачастую обязанности кадия возлагались на заместителя-наиба. Кятибы-секретари вели записи судебных дел. Помимо ведения судебной деятельности, кадии следили за сбором налогов, делили наследство, исполняли нотариальные функции, контролировали вакуфы и торговлю на базарах.

Развитие османского права обуславливалось общим течением социально-политических и экономических процессов в империи. Так, ближневосточные завоевания Селима II Явуза закрепили создание единого правового поля, а идеалом государства стало воплощение норм шариата. Остановимся подробнее на формировании административно-правового поля.

¹ Шопова Д. Македонија во XVI и XVII век. Документи од цариградските архиви (1557 – 1645). Скопје, 1955. С. 54. № 38 (приказ бегу Ускюба, 1578 г.).

Османская империя создала сложную и многоуровневую правовую систему, опирающуюся на исламские, тюркские, византийские и локальные традиции. Введение норм шариата на покоренных землях рассматривалось как важная миссия империи, претендующей на ведущую роль в мусульманском мире. Однако рационализм господствующей правовой школы (масхаба) ханифитов обусловил мягкость применения новых норм с учетом местных условий и мнения христианского большинства. Впервые в мусульманской истории османские власти попытались привести к единству право религиозное (шариат) и право обычное (орф).

Шариат, «идеальное» право, вечное, с точки зрения мусульман, в своем религиозном значении, представляет собой совокупность морально-правовых норм ислама, определяемых Кораном и хадисами в толковании соответствующего масхаба. Несмотря на «вечность» своих общих установок, шариат допускает как норму изменение обычаев в соответствии с новыми условиями.

В целях борьбы со своеволием местных властей Османы стали издавать канун-намэ, то есть ввели светское право. Орф был основан на тюркских и балканских традициях и был направлен на оперативное решение вопросов, определенных текущими интересами Османского государства.

Главное различие орфа и шариата заключалось в сфере применения: шариат — «персональное право», которое распространяется на всех мусульман (которые рассматривались как единая община — умма) вне зависимости от места и условий проживания конкретной группы, тогда как орф — право территориальное, т.е. непосредственно связанное с традициями определенной местности и компактно проживающих этнических групп. Орф был особенно разработан в налоговом праве, где сохранялись многочисленные доосманские нормы и обычаи и формулировалось ключевое положение османских канунов — запрещение взыскивать с налогоплательщиков больше положенной нормы.

Соотношение шариата и орфа, теории и практики постоянно менялось и во многом зависело от субъективной позиции влиятельных лиц. Известный турецкий историк Х. Иналджик даже говорил о борьбе между правовыми традициями шариата и орфа¹. Так, цен-

¹ Inalcik H. Suleiman the Lawgiver and Ottoman Law // Inalcik H. The Ottoman Empire: Conquest, Organization and Economy. London, 1978 [Archivum ottomanicum. 1969. Vol. I. P. 105–138]. P. 108–109.

трализация и укрепление орфа при Мехмеде II Фатихе сменились реставрацией шариата при его сыне и преемнике Баязиде II.

Государство заботилось о повышении правосознания населения. Известно, что султан Селим II Явуз стремился ознакомить простое население с новым законодательством. В Анатолии даже зафиксированы случаи продаж списков канун-намэ по невысоким ценам¹.

Существенная роль внесударственных правовых отношений предопределила важность и распространенность практики досудебного примирения, известного как сулх. Уважаемые обеими сторонами муслихун (посредники) предлагали решение вопроса, устраивающее как истца, так и ответчика. Обычно истец отказывался от ведения судебного разбирательства, получая денежное возмещение от ответчика. Зачастую стороны обращались за толкованием права к факихам — ученым-правоведам, и спор решался досудебным соглашением. В подобных делах кадийский суд лишь нотариально регистрировал примирение сторон и отказ от тяжбы на случай повторного разбирательства.

Более высокая правовая инстанция могла отменять решение низшей. Немусульманин мог обратиться за апелляцией в шариатский суд, поскольку решения общинного суда вступали в законную силу лишь при согласии сторон.

Этим способом православные христиане обходили церковные нормы, зачастую более жесткие, чем шариат. Чаще всего христиане обращались к кадию с просьбами о запрещенных «по ложному обряду» (т.е. по церковному праву) разводе либо четвертом браке. Одно из первых известных фактов заключения кадием брака между христианами состоялось в 1562 г., но упоминается как повседневная практика². В исламской традиции брак является не религиозным таинством, а светским актом, поэтому кадии могли утверждать и расторгать брак иноверцев. Схожие обращения в шариатский суд по вопросам брака отмечены и в еврейских общинах. Подобные казусы тем более примечательны, что официальная регистрация мусульманского брака в кадийском суде утвердилась лишь в XVIII в.

¹ История Османского государства, общества и цивилизации. М., 2006. Т. I. С. 327–328.

² Матковски А. Граѓански бракови и разводи на христијани во Македонија и на Балканскиот полуостров во време на турското владеење // Гласник на Институтот за национална историја. 1973. Т. XVII. № 3. С. 83–118. С. 102.

Гибкость правовой системы позволяла применять общие принципы османского права к многообразию местных правовых казусов, смягчать социальную напряженность.

Суд кадия был последней инстанцией в пределах его собственного кадилыка, хотя в исключительных случаях применялись апелляции — петиции в диван или к султану. Если кадий не мог вынести судебного решения на основании принципов шариата, он испрашивал у муфтия богословского заключения — фетвы — по спорному вопросу.

Османский суд был основан на четко регламентированной судебной процедуре, знакомой всем тяжущимся сторонам вне зависимости от их вероисповедания и социального происхождения. Провозглашался принцип верховенства закона: в канун-намэ подчеркивается недопустимость наказания или освобождения без судебного решения. Османский судебный процесс не знал института государственного обвинения, каждое дело считалось тяжбой между истцом и ответчиком и сопровождалось прением сторон с вызовом свидетелей и поручителей. Справедливость приговора гарантировали шухудюль-халь — независимые уважаемые свидетели отправления правосудия.

Институциональное разделение военно-административной и судебной властей приводило к частому конфликту между кадиями и санджакбеями, что помогало центральной власти осуществлять контроль за судебным процессом. Кадии не подчинялись санджакбеям и следили за законностью действий властей. Поскольку шариат превосходил по статусу орф, без содействия кадиев было невозможно добиться признания законности любого приказа, а сами кадии без помощи санджакбея не могли задерживать преступников, что приводило к балансу сил и интересов.

Правительство использовало и иные методы контроля над ситуацией на местах. Важные дела пересылались на рассмотрение в Стамбул и должны были получить санкцию центральных органов власти, была также распространена практика командирования столичных следователей-инспекторов, слуг и приближенных султана. Эффективность данных методов контроля ограничивалась тем, что на практике бюрократические процедуры чрезмерно затягивались, и решения часто устаревали к моменту их вынесения.

Главным недостатком местного управления была всепроникающая коррупция, подрывающая правовую систему. Французский путешественник барон де Пинон записал свои наблюдения: «...нет ничего, чего бы нельзя было в Турции добиться с помощью денег», а

также привел показательный совет: «...путешествующие по Турции должны держать закрытым рот и открытым — кошель»¹.

И.Л. Фадеева полагает, что коррупция была обусловлена спецификой исламского права: кража либо эксплуатация в собственных интересах имущества, находившегося в коллективной собственности, считалась малозначительной, поскольку часть украденного принадлежала преступнику². Отсюда проистекает распространенность хищений государственного имущества. Как язвительно отмечал Стефан Герлах, обыкновенно на постройку турецких зданий уходили невероятной величины расходы, поскольку там всякий воровал и продавал краденое: и строители, и рабы, и работники³.

К коррупции вела и частая ротация кадров. Хотя, по логике властей, назначение чиновников на короткий срок (от года до трех) препятствовало образованию тесных связей с местной средой, на деле положение осложнялось проблемой трудоустройства кадиев и других профессиональных чиновников при ротации.

Развитие системы исламского образования привело к проблемам трудоустройства улема: на начало XVII в. своеобразный конкурс достигал 10 человек на одну должность⁴. После отставки кадий приобретал особый статус мазула, посвящая время повышению квалификации, обучению учеников и прочим малооплачиваемым трудам. Поэтому за период работы кадию приходилось накапливать средства и на время ожидания новой должности, что вело к поборам и взяткам. Схожим было и положение других администраторов, в частности бейлербеев и санджакбеев.

Само назначение на должность также требовало от кандидата различных подношений влиятельным лицам. Коррупции способствовал своеобразный «откуп» судебной деятельности: кадии часто оставались в столице и посылали вместо себя наибов, а те были вынуждены делиться с кадием частью доходов и, соответственно, возмещать затраты путем злоупотреблений.

Для правосознания населения балканских земель рассматриваемого периода не было характерно представление о коррупции как о недостатке государства. Получение взятки воспринималось

¹ Матковски А. Македонија во делата на странските патописци (1371–1777). Скопје: Мисла, 1991. С. 221 (де Пинон К. Восточное путешествие).

² Фадеева И.Л. Концепция власти на Ближнем востоке. Средневековье и новое время. М., 2001. С. 75.

³ Герлах С. Дневник на едно пътуване до Османската порта в Цариград. София, 1976. С. 161.

⁴ История Османского государства. Т. I. С. 337.

как своеобразное «кормление» чиновника от занимаемой должности. Приведем пословицу: «В наши дни хитрые разбойники стали кадиями», — и поговорку: «В царскую казну зашел и все равно голым вышел»¹. Такие традиционные инструменты социальных контактов как оказание уважения посредством дарения, были общепринятым средством воздействия на чиновников.

Османские администраторы разработали особую систему исполнения наказаний. Приговор был направлен не на перевоспитание обвиненного, но на внушение максимального страха потенциальным преступникам демонстративно жестокой карой. Единственным исключением служат экзекуции над вероотступниками, которых принуждали к возвращению в ислам.

В тюрьмы были превращены те немногие крепости, которые не были разрушены в период и непосредственно после османского завоевания: Бейяз-кула в Салониках, Кале в Ускюбе. В охридском кале содержались пленники, а крепость охраняло всего семь стражников во главе с диздаром (комендантом)². Допускалось существование и частных тюрем, в которых заимодавцы держали своих должников.

К подсудимым в тюрьмы допускались родные и близкие подсудимых. Складывается впечатление, что тюрьма была лишь «следственным изолятором» на время судебного процесса, хотя и весьма долгого в случае переписки между Стамбулом и местными властями. Положение в тюрьме не зависело от вероисповедания заключенного, все находились в одних камерах.

После приговора кадия заключенного либо отпускали, либо казнили, либо посылали на каторжные работы, например гребцами на военных галерах. К постоянному тюремному заключению приговаривались лишь должники (до уплаты требуемого долга) либо заключенные пожизненно по нормам шариата, в частности женщины-вероотступницы.

Разбойники приговаривались к смертной казни через повешение, обезглавливание, сажание на кол. Когда был пойман Михо из Белгошти, власти рассматривали несколько вариантов: усечение части тела, повешение или сиясет — мучительную казнь, сопровож-

¹ Цепенков М.К. Фолклорно наследство. Т.1 (Автобиография. Песни. Пословици и характерни изрази). София, 1998. С. 225, 241.

² Шопова Д. Ук. соч. С. 12–13. № 3 (приказ диздару Охридского кале, 1560 г.).

дающуюся пытками различного рода¹. В исключительных случаях центральная власть желала получить доказательства казни. Так, султан потребовал от санджакбея Шкодера Мухтара прислать ему голову разбойника Хасана Узуна².

Для османской правовой системы характерна значительная гибкость: при дефиците казны с преступников собирали штрафы, при нехватке каторжной силы, наоборот, возрастало число заключенных. С одной стороны, подобные меры позволяли лучше учитывать местные реалии, с другой — легализовались коррупционные механизмы. В приказах особо уточнялось, что разбойники, совершившие тяжкие преступления, не имели права платить выкуп или денежное возмещение в обмен на свое освобождение³.

Часть немусульман, преступников или подозреваемых, шли на сделку с правосудием и переходили в ислам в обмен на амнистию. Узники были изолированы от своей общины и находились в непосредственной власти администрации, прибегавшей к различным методам физического и морального давления. В этих условиях исламизация являлась последней возможностью обрести свободу и избежать пыток. Для военнопленных обращение в ислам означало освобождение от угрозы смертной казни.

Исламизация отнюдь не означала безоговорочной амнистии. Стефан Герлах сообщает, что если убийца-христианин переходил в ислам, то ему снижали жестокость смертной казни, но не отменяли ее. Например, обращение и выдача сообщников не спасли грека-разбойника от кола⁴.

Понятие единого правового пространства означает, что высшие уровни права — орф и шариат — действовали на всей территории империи и были, в определенной степени, унифицированы, хотя на практике приговор зависел от правовой школы (масхаба), к которой принадлежал кадий. В фетве Эбусууда-эфенди утверждается⁵, что приговор должен соответствовать той школе, к которой относится ответчик, хотя с середины XVI в. в Румелии получают предпочтение ханифиты.

¹ Турски документи за историјата на македонскиот народ. Сер. 1 (1607—1699). Т.2 (9—17.01.1627—25.11.1635). Скопје: Архив на СРМ, 1966. С. 16—17. № 24 (сиджилл Манастира, 1633 г.).

² Там же. С. 155. № 284 (сиджилл Манастира, 1635 г.).

³ Калицин М., Мутафова К. Подбрани османски документи за Търново и Търновската каза. Велико Търново, 2003. С. 241. № 6.

⁴ Герлах С. Ук. соч. С. 114, 117.

⁵ История Османского государства. Т. I. С. 348.

Низшие уровни права фактически были экстерриториальны: они действовали в пределах определенной группы вне зависимости от места проживания ее членов. Например, любой христианин мог заключить брак в любом храме.

Единство правового пространства имело определенные исключения: обособленные горные районы, находясь в естественной изоляции, пользовались полным самоуправлением, уплачивая фиксированную дань. Горный район, ныне известный как Мариово, при Маре Бранкович, одной из жен султана Мурада II, приобрел особые привилегии, важнейшей из которых стал запрет на проживание и владение землей для мусульман в обмен на выплату дани. Появилась даже поговорка: «Мариово — мирная земля»¹.

Османская администрация так и не сумела подчинить в полной мере своему контролю некоторые горные районы, населенные албанцами, влахами и черногорцами. Лишь к концу XVII в. в некоторых из них были образованы так называемые байраки во главе с байрактарами. Байраки видоизменяли традиционную родовую структуру горного общества и должны были гарантировать лояльность и привлечение горцев к военной службе. До того внутренние районы пользовались полным самоуправлением под руководством родовых вождей и старейшин, хотя на них распространялся формальный суверенитет империи.

Однако, в целом, формирование единого правового пространства в рамках Османской империи дало значительный импульс развитию социально-экономических процессов, облегчило внутренние миграции. Наиболее важным следствием единства правового поля стал проводимый османскими администраторами принцип веротерпимости.

Подобная веротерпимость вовсе не была религиозной свободой, поскольку сопровождалась последовательной религиозной дискриминацией и дифференциацией, своего рода «апартеидом». Таким образом османская политика сочетала жестко предписанную законом дискриминацию немусульман с гибкостью правоприменения.

Когда в свое время османский бейлик попытался расширить свою территорию за счет балканских земель, то перед его правителями были лишь две возможные стратегии — либо взаимодействие с христианским населением, либо проведение джихада с последу-

¹ Етнография на Македония. Извори и материали. Т. 1. София, 1992. С. 437 (Попстоилов А., 1894 г.).

ющей исламизацией. Первая стратегия стала осуществляться на практике, тогда как вторая сформировала государственную идеологию и самосознание османской элиты.

Если в Германии Аугсбургское вероисповедание было фактической капитуляцией императора перед князьями, то для Османской империи на протяжении всей ее истории сложилось положение, когда подавляющее большинство населения наиболее развитой территории – Балкан – не исповедовало государственную религию.

Христианские народы составляли экономический костяк в европейских владениях империи, и веротерпимость была единственным способом удержать покоренные земли. Перед глазами властей был пример Испании, где в результате преследований и изгнания мусульман и евреев оказались подорваны многие доселе процветавшие отрасли экономики. Даже такие радикально настроенные султаны, как Селим II Явуз, не имели возможности проводить иную политику, хотя многие исполнители из числа администраторов низшего уровня были фанатиками и провоцировали акты насилия над зиммиями под влиянием своих религиозных представлений.

Османские чиновники понимали недопустимость чрезмерного угнетения немусульман. Приведем слова, которые автор жития приписывает визирю, судившего новомученика Дамаскина: «Прощаю тебя. Ты наш подданный, твоя обязанность платить подать царю, и сего ради тебе даруется жизнь. Но, как кажется, ты нищий и потому желаешь смерти»¹. В обмен на лояльность немусульманам гарантировались права на жизнь и имущество, что привлекало симпатии к империи со стороны гонимых религиозных общин Европы, будь то богомилы Боснии, сефарды Испании или лютеране Германии. Таким образом, в османскую правовую систему включались неисламские экстерриториальные религиозно-правовые нормы немусульман.

Большинство из случаев преследования немусульман можно рассматривать либо как вымогательство материальных средств, своего рода экстраординарные поборы, либо как политические преследования по подозрению в государственной измене.

При этом в Османской империи каждая из обособленных групп была интегрирована в социально-правовую систему империи

¹ Афонский патерик, или Жизнеописание святых, на святой Афонской горе просиявших. Т.2. Русский на Афоне Св.-Пантелеймонов монастырь, 2002. С. 360–361 (Страдание св. преподобномученика Дамаскина).

на особых, уникальных условиях, определяемых сочетанием теоретических норм шариатского законодательства, объективными потребностями государства и субъективной договоренностью местных властей с лидерами каждой конкретной группы.

Благодаря четкой государственной регламентации минимизировались бытовые конфликты в обществе, достигалась внутренняя стабильность, необходимая для развития производственно-хозяйственных отношений. Сегрегация также сохраняла этническое и культурное своеобразие отдельных групп, имевших возможность вести традиционный образ жизни. Но не следует идеализировать систему в целом – введение принципа самоуправления религиозных общин приводило к их взаимному отчуждению, доходящему до самоизоляции и неизбежных конфликтов.

Важнейшая проблема управления локальными группами заключалась в том, что однажды достигнутое соглашение между ними и Османским государством не предусматривало коррекции в соответствии с изменившейся обстановкой, что неизбежно приводило к расхождению между реальной социальной ролью группы и ее некогда зафиксированным правовым статусом.

Поскольку система османской регламентации и разделения потенциально нелояльного населения на многочисленные локальные группы возвела локальное самоопределение в статус закона, придав локальным органам самоуправления обширные полномочия нижнего уровня власти, османы предотвратили сколько-либо серьезные вспышки недовольства со стороны населения и надолго обеспечили в балканских землях плацдарм ведения европейской экспансии за счет архаизации локальных социальных структур.

Однако недостатки административной системы и причины социального напряжения не были и не могли быть устранены самой системой, что в исторической перспективе обернулось потерей управляемости на местах и формированием полунезависимых мусульманских государственных образований на балканской периферии.

Библиографический список

1. Афонский патерик или жизнеописание святых, на святой Афонской горе просиявших. Т.2. – М., 2001. – 901 с.
2. История Османского государства, общества и цивилизации. Т. 1. – М., 2006. – 367 с.
3. Фадеева И.Л. Концепция власти на Ближнем востоке. Средневековье и новое время. – М., 2001. – 285 с.

4. Герлах С. Дневник на едно пътуване до Османската порта в Цариград. – София, 1976. – 252 с.
5. Етнография на Македонија. Извори и материали. Т. 1. София: Изд-во БАН, 1992.
6. Калицин М., Мутафова К. Подбрани османски документи за Търново и Търновската каза. – Велико Търново, 2003. – 384 с.
7. Матковски А. Граѓански бракови и разводи на христијани во Македонија и на Балканскиот полуостров во време на турското владеење // Гласник на Институтот за национална историја. 1973. – Т. – XVII. – № 3. – С. 83–118.
8. Матковски А. Македонија во делата на странските патописци (1371–1777). – Скопје, 1991. – 836 с.
9. Турски документи за историјата на македонскиот народ. Сер. 1 (1607–1699). Т.2 (9–17.01.1627–25.11.1635). – Скопје: Архив на СРМ, 1966. – 434 с.
10. Цепенков М.К. Фолклорно наследство. Т.1 (Автобиографија. Песни. Пословици и карактерни изрази). – София, 1998. – 511 с.
11. Шопова Д. Македонија во XVI и XVII век. Документи од цариградските архиви (1557–1645). – Скопје, 1955.
12. Gerber H. State, Society, and Law in Islam: Ottoman Law in Comparative Perspective. – SUNY Press, 1994.
13. Heyd U. Kānūn and Sharī'a in Old Ottoman Criminal Justice. – Jerusalem, 1967.
14. Inalcik H. Suleiman the Lawgiver and Ottoman Law // Inalcik H. The Ottoman Empire: Conquest, Organization and Economy. London: Variorum reprints, 1978 [Archivum ottomanicum. 1969. Vol. I. P. 105–138].